

ХVII ЕЖЕГОДНЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

«ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ. РОССИЯ – XX ВЕК»

Тема конкурса:

«История семьи»

Ефанова Татьяна Николаевна
МБОУ «Верхнекужебарская средняя общеобразовательная школа имени В. П.
Астафьева»
10 класс

Руководители

Моршнёв Александр Михайлович, учитель истории, педагог
дополнительного образования

Селина Елена Владимировна, учитель начальных классов, педагог
дополнительного образования

с. Верхний Кужебар

2016 год

План

1. « Судьбы людские, в годах припорошены...»
2. « Все для фронта все для победы»
3. История детских домов в Каратузском районе.
 - Остаться в живых.
 - От Поволжья до Колеватовки.
 - На берегу Амыла.
4. Детдомовское детство
5. На колхозных работах.
6. Замужество.
7. На колхозной пасеке.
8. На Ленинской базе.
9. Дети войны – особое поколение россиян.

Введение

2015 год – год 70-летия Великой Победы в Великой Отечественной войне. Время отдаляет нас от страшных военных лет. Каждый год становится всё меньше и меньше тех, кто имел непосредственное отношение к военным действиям, тех, кто участвовал в боях. Но живы ещё другие свидетели войны, кто в военные годы были детьми.

У детей войны разные судьбы, но всех их объединяет общая трагедия, невосполнимая потеря прекрасного мира детства. Особенно пострадавшие – это те, кто в годы войны потерял своих родителей, волею судьбы, чтобы выжить, оказались в детском доме и хлебнул нелёгкой детдомовской жизни.

Моя бабушка со слезами на глазах вспоминает своё военное детство, и несмотря на то, что некоторые моменты уже стёрлись из памяти, тот период она запомнила на всю жизнь и вряд ли забудет. Она рассказала мне о своей судьбе и о Кужебарском детском доме.

Основная часть

« Судьбы людские, в годах припорошены...»

Когда слушаешь рассказы очевидцев прошлой жизни – знакомых, незнакомых, родственников – порой трудно, или вообще невозможно себе представить, как можно было жить в то или иное время. А ведь жили... Работали, кормили страну, горевали, любили и радовались, растили детей. И, не взирая на тяготы, лишения и невзгоды, оставались людьми. Дали нам жизнь, великую страну, будущее. Наш долг потомков – сохранить всё это и приумножить, передать своим детям и детям детей. Это и есть круговорот жизни, где ключевым моментом является Память...

Мы зримо видим вас, деды и прадеды,
Слышим в преданьях, что вами нам дадены.
И не беда, что в годах припорошены
Но не забыты и не заброшены.

(«Судьбы людские в годах припорошены» А. Моршнёв)

История страны всегда проецируется на судьбах отдельных людей. Поэтому хочется рассказать в рамках данной темы о детских домах на территории нашего района и о детдомовском детстве моей бабушки, Соколовой Валентины Никитьевны (в девичестве Тетюхиной), 1938 года рождения. Она – очень интересный, добрый, заботливый человек. У моей бабушки пятеро детей, девять внуков и одиннадцать правнуков. Всех нас она любит, и, глядя на неё, никогда не подумаешь, что ей самой пришлось пережить и выстрадать. В 4 года остаться без отца, в 7 лет лишиться матери, хлебнуть лиха сиротской военной и после военной жизни, пробыв 3 года (с 1945 по 1948 г.г.) в Верхнекужебарском детдоме.

«Все для фронта все для победы»

Думается мне, что правильно будет для большей образности начать с одной живой картинки из рассказа – воспоминания писателя Александра Щербакова,

нашего земляка-таскинца « Блаженны нищие...». Действительно, можно сто раз, меняя эпитеты, называть военные годы в тылу суровыми, глухими или кромешными, но всё равно представление о них будет менее ярким, чем то, что запечатлено и выражено в какой-нибудь одной живой «картинке»-промельке (или проблеске).

Например, в такой: *«Зима. В нашем доме холодно и сумрачно. За обмёрзшими окнами – седая пелена морозного тумана. Открывается тяжёлая дверь, и в избу входит, а точнее – словно бы вливает на белесом облаке мать; она разматывает шаль, платок, тоже густо белые, заиндевелые, сбрасывает полушубок, садится на скамью возле печки и с трудом стягивает подшитые валенки, в которые заправлены толстые «шубные» штаны. Потом погружает красные руки в тёплую печурку и через плечо говорит нам, устало вздыхая:*

- Не добрались до дров-то... Вернулись...Ярмо лопнуло от мороза, дровни уж сами вместе с быком едва дотащили...

Особых пояснений, думаю, не требуется. Да, с первых лет жизни я видел, знал, как в лютые морозы, в шальные метели деревенские бабы и подростки ездили за дровами в лес, за сеном в лога и распадки, где сугробы буквально по пояс. И чаще не для своего домашнего, а для общественного, артельного хозяйства. В страдную пору пахали, сеяли и жали, не зная «ни выходных, ни проходных». И не только ради того, чтобы выжить самим, но прежде всего – «для фронта, для победы». Сами недоедали, но отправляли хлеб и картошку, мясо и масло, овчины на полушубки и кожи на сапоги и ремни для бойцов и командиров, шерсть на варежки и валенки, а сверх того отсылали в посылках те же варежки, носки и валенки собственного изготовления. Бескорыстно, с любовью, ради общего дела борьбы с вероломным врагом. Надрывались в работе, простывали, обмораживались и нередко уходили до срока...»

Моя прабабушка, Борзенко Мария Прокопьевна, тоже ушла до срока. Именно эта часть рассказа всегда вызывает слёзы горечи-сопереживания – ведь речь идёт о родных по крови людях, близких родственниках. Отец бабушки,

Тетюхин Никита Афанасьевич, погиб в 1942 году на фронте – пришла похоронка. Мать, которая так и не поверила в гибель мужа и всё ждала и надеялась, умерла в 1945.

Поехала вечером за дровами в лес на корове (дома нечем было топить печь), попала в буран и сильно простудилась. Пенициллина наша медицина тогда ещё не знала, и от пневмонии моя прабабушка сгорела в горячечном жару, буквально истаяла, как свечка, очень быстро, оставив двух маленьких сестёр сиротами.

Прапрабабушка (мать погибшего прадеда) Марфа Борзенко маленьких внучек отдала в Верхнекужебарский детский дом, по сути, спасла от голодной смерти: время было тяжёлое, военное, кормить девочек было нечем, да и одевать не на что. Так у семилетней Валентины и трёхлетней Светы началось детдомовское детство и продолжалось три года. Справедливости ради, стоит особо отметить, что состояние детской беспризорности с первых лет советской власти, в военные и послевоенные годы 1941-1945 г.г. было под её пристальным контролем. Борьба с ней, организация детских домов была одна из главных задач государственных и партийных органов Советского Союза.

Тяжело вспоминать и рассказывать о тех обстоятельствах, при которых каждый конкретный ребёнок попал в детский дом. Обстоятельства эти всегда индивидуальны и всегда лежат в плоскости конкретной семьи. Одни семьи разрушаются и разобщаются войнами (как в случае с моей бабушкой), другие по не зависящим от них причинам попадают в безвыходное материальное положение, третьи, увы, ведут несправедливый образ жизни. Жертвы этих обстоятельств, теперь уже взрослые детдомовцы, как кошмарный сон то и дело вспоминают своё детдомовское прошлое и ни с кем не хотят говорить об этом. Для них попадание в детский дом представлялось единственным способом остаться в живых и стать человеком.

Когда начала работать со своей темой, сразу столкнулась с трудностью: мало материала, но потом нашла в архиве районной газеты «Знамя труда», а точнее, в приложении к ней – «Амыльские перекаты» за 2006 год,

краеведческий материал каратузского краеведа В. М. Байзеля. Следует отметить особую кропотливость исследования, тщательность неустанных поисков, многочисленные беседы с очевидцами и старожилами, системную работу в архивах. Оно и понятно – сам Владимир Макарович (ныне покойный) в 1946 г. вместе с братьями попал в Каратузский детский дом, и тоже хлебнул детдомовского детства. Очевидно, это и подтолкнуло его уже на склоне лет объективно и всесторонне исследовать историю детских домов Каратузского района.

История детских домов в Каратузском районе

Остаться в живых

Детская беспризорность во все времена являлась социальным злом, порождаемым стихийными бедствиями и социальными потрясениями: революциями, войнами. В России детская беспризорность имела массовый характер во время революции и Гражданской войны 1917-1922 годов, Отечественной войны 1941-1945 годов. Она представляла настолько серьезную угрозу обществу, что органы государственной власти, партийные органы просто не могли с этим не считаться.

О детской беспризорности и борьбе с ней после гражданской войны мы много слышали и видели в кино, читали в книжках. Наверное, эта проблема в свое время коснулась и нашего района, но, к сожалению, она практически не изучена. Но детский дом в Каратузе был во время и после Гражданской войны, об этом говорит хранящийся в Каратузском краеведческом музее документ из архива. Это протокол общего собрания граждан села Каратуза Сагайской волости Минусинского уезда от 13 февраля 1922 года.

Председатель собрания Ковальчук.

Секретарь Никифоров.

Постановили:

- Отвести для Каратузского детдома площадь для огорода по мере надобности и силе обработки и отвести площадь пахотной земли и покоса.

Также указать при разделе покосов пахотную землю по указанию приюта.

(Фонд 120, 0-1, дело 180, лист 38.)

Ближе к нам состояние детской беспризорности в военные и послевоенные годы 1941-1945 годов. Борьба с беспризорностью, организация детских домов были взяты под контроль высших государственных и партийных органов Советского Союза с первых дней войны. За выполнение решений партийных и советских органов строго спрашивали с руководителей местных органов власти. За скупыми строчками официальных решений следовала огромная организационная работа.

Уже спустя два месяца после начала войны, 10 сентября 1941 года, исполком Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся, охарактеризовав состояние детских домов и детских садов в крае, принимает решение:

1. Обязать заведующего крайоно тов. Филиппова, председателей исполкомов райгорсоветов и Хакасского облсовета:

а) выполнить к 1 октября план приема детей в детские сады и детские дома;

б) к 1 октября 1941 года подготовить детские сады и детские дома к работе в зимних условиях: провести ремонт зданий, заготовить и подвезти топливо и обеспечить их овощами.

2. Предложить завкрайоно тов. Филиппову:

а) укомплектовать к 25 сентября 1941 года все детские дома и детские сады руководящими педагогическими кадрами;

б) улучшить методическое руководство детскими домами и дошкольными учреждениями.

3. Обязать крайторготдел (тов. Золотова) выделить для вновь организуемых и существующих детских домов недостающее количество одежды, обуви, белья и постельных принадлежностей.

4. Обязать крайздравотдел (тов. Левину) улучшить медицинское обслуживание детских домов и детских садов.

(ГАКК ф.р. 1386. оп.1, дело 799, лист77-77об.)

24 марта 1946 года совещание председателей районных и городских комиссий по устройству детей, оставшихся без родителей, принимает резолюцию *«Об оказании помощи сиротам и безнадзорным детям»*, в которой указывается, что только за 1945 год по сравнению с 1944 детская безнадзорность в крае снизилась на 40,6%. Совещание в то же время указало на серьезные недоработки в работе по ликвидации безнадзорности и устройству детей.»

(ГаКК.ф.р. 1413, оп.1, д.42,л.2.)

На районном уровне решались конкретные случаи определения беспризорных детей в детские дома, задачи организации деятельности детских домов, обеспечения их педагогическими кадрами, снабжения инвентарем, мебелью, одеждой, продуктами питания. Большое внимание уделялось организации подсобного хозяйства при каждом детском доме. Состояние детских домов постоянно контролировалось исполкомом райсовета, бюро РК ВКП(б). Об этом красноречиво свидетельствуют приводимые в тексте полностью или в сокращении решения Каратузского исполкома райсовета и постановления бюро Каратузского РКВКП(б).

От Поволжья до Колеватовки

В ноябре 941 года в наш Каратузский район начали прибывать эвакуированные из Поволжья немецкие семьи. Их распределяли по селам района и размещали либо в свободные постройки, либо в учреждения культуры, либо принудительно подселяли в местные семьи. В 19 селах нашего района было расселено 547 немецких семей. Семьи были большие — от пяти до десяти человек в каждой. Так, в семье Эйснер, кроме мужа и жены, было восемьдетей. Такое же количество детей было в семье Констанц. По пяти детей — в семьях Штумф и Функнер. (Данные краеведческого музея из фонда архива 511, опись 1, дело 219, лист 28).

На этом месте в Верхнем Кужебаре находился детский дом, открытый в сентябре 1943 года.

Вот он – этот дом, где с 1943 по 1954 годы был верхнекужебарский детдом. Затем это здание перевезли в другую часть села.

Не исключено, что некоторые многодетные семьи, оказавшись в безвыходной жизненной ситуации, вынуждены были отдать своих детей на содержание местным властям.

В этой связи уместно вспомнить о деревне Колеватовке. В планах царских властей она фигурировала как важный стратегический объект на «царской дороге». В тридцатых – начале сороковых годов прошлого века уже советская власть Каратузского района использовала сохранившиеся там деревянные постройки для организации отдыха школьников в летнее время.

Словно предвидя развитие событий, исполком Каратузского райсовета при рассмотрении вопроса об организации летнего отдыха школьников 28 апреля 1941 года в п. 9 решения записывает: *«Обязать заврайдоротделом т. Притворова не позднее 16-го мая произвести проверку и ремонт дороги от Ширьштыка до деревни Колеватовки протяженностью 14 км».*

Если этот ремонт летом 1941 года был проведен, то он оказался весьма кстати.

Воспитанник колеватовского и
верхнекужебарского детских домов В. А.
Грибанов вспомнил, что в январе 1942 года в
Колеватовку одновременно привезли сорок
детей. Маленький мальчик Володя Грибанов не
мог знать, *чьи* это дети и откуда их привезли,
однако в фондах Каратузского архива есть

Житель Каратуза Владимир
Александрович Грибанов –
бывший воспитанник
колеватовского, потом
верхнекужебарского детдома.

документальное подтверждение того, что в колеватовском детском доме
содержались немецкие дети. Учитывая важность документа, воспроизвожу его:

Решение Каратузского исполкома райсовета от 21 мая 1943 г.

Протокол №8

*1. Ввиду отсутствия достаточного количества детей спецконтингента
(немцев) (так в документе - авт.) разрешить району (заврайоно Хрусталева)
принимать в детдом русских детей, сирот, отцы которых погибли на фрон-
тах Отечественной войны.*

2. Комплектование детдома производить через специальную комиссию.

*3. Обязать заврайторготделом обеспечить детдом необходимым коли-
чеством промтоваров. (Районный архив. Фонд 511, опись 1, стр. 223.)*

Если расположить события в хронологической последовательности, то не
остается никаких сомнений в том, что в колеватовском детском доме
содержались дети поволжских немцев.

Между тем, как следует из справки, полученной из архивного агентства
администрации Красноярского края, в документах Красноярского краевого
отдела народного образования за 1937-1939г.г. и исполкома Красноярского
краевого Совета народных депутатов за 1935-1960 г. г. «сведения об
образовании колеватовского детского дома не обнаружены». Это означает
только одно: информация о колеватовском детском доме до 21 мая 1943 года
была конфиденциальной и разглашению не подлежала.

Сведения о том, что колеватовский детский дом существовал до 21 мая 1943 года, подтверждает и его воспитатель Елена Александровна Золотухина. Она вспоминает:

– Я проработала воспитателем сначала в колеватовском, а потом в верхнекужебарском детских домах шесть лет. В колеватовском детдоме ребятшек было немного, всего 65 человек. В моей группе было 26 воспитанников. Мы тогда сами были еще молоденькие, все свое время проводили вместе с детьми, вместе с ними питались. Кормили детдомовских хорошо. Отдыхали мы тоже вместе с ребятами, бегали на остров. Все ребята были умные, сообразительные, дружные. Это была одна большая семья.

На берегу Амыла

Подтаёжное красивое село Верхний Кужебар расположено на правом берегу таежного Амыла в Каратузском районе. Расстояние от железной дороги составляет 160 км, от районного центра – 40 км.

По справке архивного агентства администрации Красноярского края, детский дом школьного типа здесь был организован в 1943 году.

Однако по материалам каратузского архива можно установить и более точную дату его открытия. Существует прямая связь между колеватовским и верхнекужебарским детскими домами. Колеватовский детский дом был закрыт решением Каратузского исполкома райсовета 20 сентября 1943 года. Его воспитанники и персонал были переведены, а имущество перевезено в Верхний Кужебар. Эту информацию подтверждают как бывшие воспитатели, так и воспитанники колеватовского детского дома.

Из решения исполкома Каратузского райсовета от 23 сентября 1943 года.

Протокол №14

1. Предложить заврайоно Хрусталёву (П. А.) и директорам детских домов к 1 октября 1943 года доукомплектовать детские дома обслуживающим персоналом.

2. Обязать заврайоно приказом закрепить одного из инспекторов ответственным за состояние детдомов и совместно с ним систематически контролировать учебно-воспитательную работу и хозяйственную деятельность.

Обязать директоров каратузского детдома т.Ганшину (Марию Иосифовну) и верхнекужебарского Чернышову, а также председателей Каратузского сельсовета Макрецова и Верхнекужебарского т. Сапронова полностью обеспечить топливом детские дома к 16 октября 1943 г.

(Районный архив, фонд 511, опись 1, дело 223.)

Таким образом официальной датой основания верхнекужебарского детского дома можно считать 23 сентября 1943 г.

Нетрудно догадаться, что основной причиной перемещения колеватовского детского дома в Верхний Кужебар была трудность продовольственного обеспечения в условиях военного времени.

Верхнекужебарский детский дом был государственным учреждением полного профиля в системе **народного образования с численностью более ста воспитанников основным документом полностью характеризующим** это учреждение, являлся паспорт детского дома. В материалах Каратузского архива (фонд 48, опись 2, листы 1-8) сохранились два паспорта этого учреждения: за 1950 год и 1954 год. По паспорту 1950 года, детский дом располагался в семи корпусах: три корпуса 1927 года постройки, один – 1915

Жительница Верхнего Кужебара Евдокия Дмитриевна Пикалова (Селина) работала воспитателем в верхнекужебарском детском доме в 1946-47 годах.

г., один – 1920, один – 1928 и один – 1934 г. В одном из корпусов располагалась контора-квартира.

- По данным архивного агентства администрации края, общая площадь застроек составляла 231 кв.м. По данным 1950 года, в детском доме воспитывались

120 детей, в том числе семь детей погибших в Великой Отечественной войне, 86 полных сирот, 33 полусироты, один – имеющий обоих родителей.

По штатному расписанию персонал детского дома составлял 24 человека: один директор, один заместитель директора (завуч), восемь воспитателей-педагогов, пионервожатая, два инструктора по труду, полставки руководителя кружковой работы, один бухгалтер, один завхоз, одна кастелянша-кладовщик, полставки врача, одна медсестра, один повар, один помощник повара, одна прачка, один дворник-сторож, один истопник, одна уборщица.

Образовательный уровень педагогических работников был низким. Все они имели законченное или незаконченное средне-педагогическое образование.

В решениях партийных и советских органов того времени часто указывалось на низкий уровень учебно-воспитательной работы и плохую дисциплину воспитанников в детских домах. Воспитателей часто наказывали за оставление без присмотра, самовольные отлучки, побегі воспитанников, грязь в помещениях и т. п. Велика была и текучесть кадров среди персонала. С 1943 по 1954 годы в детдоме сменилось около десятка директоров. Первым директором верхнекужебарского детского дома была Чернышова. С 1950 года и до закрытия детдома в 1954 году директором его был Алексей Петрович Каледин 1910 года рождения, переведенный затем директором каратузского детдома.

Не был постоянным и состав воспитанников детского дома. Так, например, в 1949 году в детдом поступили одиннадцать воспитанников из есауловского детдома и четверо из Минусинска, в 1952 году девять воспитанников верхнекужебарского детдома выбыли на трудоустройство в артель им. 18 партсъезда в Акуловку Таятского сельсовета. Выбывшим выдали обмундирование, постельные принадлежности и по 50 рублей денег.

По приказу № 76 от 8 июня 1952 года в детский дом были зачислены 22 воспитанника, прибывшие из имисского детдома Курагинского района. Точно такое же количество детей оттуда было зачислено по приказу № 189 от 4 марта 1953 года.

Среди воспитанников детского дома проводилась идеологическая и культмассовая работа. По паспорту 1954 года, детдом выписывал газеты и журналы: «Правда», «Красноярский рабочий», «Комсомольская правда», «Пионерская правда», «Учительская газета», «Сталинский путь», «Семья и школа», «Колхозная самодеятельность», «Затейник». При детском доме действовали хоровой, драматический, рукодельный кружки. Детдом имел 42 наименования художественной литературы, 302 учебника, семь наименований методической литературы, один радиоприемник, одну хромовую гармонь.

Верхнекужебарский детский дом был не чисто учебно-воспитательным учреждением, он имел большое подсобное хозяйство и значительную земельную площадь. В постановлении бюро Каратузского райкома ВКП (б) и исполкома райсовета от 11 апреля 1947 года предписывалось Каратузскому отделу сельского хозяйства обеспечить детский дом пахотной землей 43 га и сенокосами 195 га, а МТС Каратуза и Моторска выделить по одному трактору каждому детдому.

По паспорту 1950 года, детдом имел 7,79 га пахотной земли, две лошади, 13 голов КРС, в том числе пять дойных коров, два вола, три свиньи, 25 пчелосемей. В том году детдом произвел продукции на сумму 3367 рублей.

Из справки архивного агентства администрации Красноярского края:

«9 марта 1954 года было принято решение исполнительного

комитета Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся № 151 «О сокращении сети детских домов, по которому ряд детских домов края, в том числе и Верхнекужебарский детский дом, подлежали закрытию из-за малочисленности воспитанников (на 20 января 1954 года 56 человек) и плохого состояния зданий».

Воспитанников и материальные ценности верхнекужебарского детского дома после закрытия предполагалось передать в каратузский детский дом Каратузского района.

Архивная справка

В фонде «Исполнительный комитет Красноярского краевого Совета народных депутатов» имеются следующие сведения о детских домах Каратузского района:

Верхнекужебарский детский дом.

Верхне-Кужебарский детский дом школьного типа был организован в 1943 г. в селе Верхний Кужебар. Расстояние от железной дороги составило 160 км. от районного центра и продовольственной базы снабжения – 40 км.

К 1954 году детский дом размещался в 7 зданиях с жилой площадью 231 кв. м. Контингент воспитанников по состоянию на 20 января 1954 года составлял 56 человек.

9 марта 1954 года было принято решение исполнительного комитета Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся № 151 «О сокращении сети детских домов», по которому ряд детских домов края, в том числе и Верхне-Кужебарский детский дом, подлежали закрытию из-за малочисленности воспитанников и плохого состояния зданий.

Воспитанников и материальные ценности Верхне-Кужебарского детского дома после закрытия предполагалось – передать в Каратузский детский дом Каратузского района.

Каратузский детский дом.

4 июня 1945 года решением исполкома Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся № 735 «О реэвакуации Ленинградских детских интернатов» на базе Каратузского Ленинградского детского интерната был организован детский дом. Детскому дому передавались все оставшиеся на месте имуществен нематериальные ценности Ленинтерната.

21 июня 1952 г. исполкомом Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся было принято решение № 703 «О пересмотре штатов детских домов края с контингентом воспитанников менее 100 человек», в котором исполком просил Государственную штатную комиссию при Совете Министров СССР утвердить штаты детских домов с контингентом ниже 100 воспитанников, предусмотрев в каждом детском доме должность ночной няни. Среди других детских домов в решении значатся Каратузский (так в документе) и В-Кужебарский детские дома.

Основание: Ф.Р.1386. Оп.1. Д.959. ЛЛ.11,12; Д. 1364.

ЛЛ.243,244: 1501. ЛЛ. 167,172

Начальник отдела информационных услуг О. Р. Сордия

Главный специалист Е. А. Иванова

Работая над «Амыльскими перекатами», В.М. Байзель сделал запрос в архивное агентство администрации Красноярского края. В фонде «Исполнительный комитет Красноярского краевого Совета народных депутатов» обнаружены данные о верхнекужебарском и каратузском детских домах. О колеватовском детдоме сведений не обнаружено. Но он был! И тому есть очевидцы.

Детдомовское детство

О детдомовской жизни Валентина Никитьевна вспоминает так: «Когда нас бабушка привела в детдом, нас с сестрой разделили по разным группам. Свету отправили в младшую, а меня – в старшую. Сильно скучали по матери,

столько было пролито слез, а тут еще удар – разлучили с сестрёнкой. Говорят, что легче излечить душу ребенка, чем взрослого человека. Не знаю, со временем боль потери, действительно, потихоньку притупилась – время лечит. Но всё равно без родной мамы нам было тяжело.

В то время я как раз пошла в школу – в 1-й класс. Учителя были строгие (время было, очевидно такое), за непослушание или плохую успеваемость могли и наказывать. Бывало, что и в коридор выставляли босиком, а пол там был очень холодным. Помню, как-то раз нас несколько человек поставили в коридоре, а ноги замёрзли – на улице зима была. Я у воспитателя попросилась в туалет, а сама прямо босиком убежала к бабушке, благо жила она недалеко от детдома. Пока добежала, ноги уже и не чувствовала, так замёрзли. Бабушка Марфа ругает меня, а сама замерзшие ноги растирает. Потом я заболела и прожила у неё неделю. А чуть позже пришла воспитательница и забрала меня назад. Директор Зоя Яковлевна строго наказала воспитателей за это.

Кормили в детдоме три раза. Рацион был скудным. Каша, щи, отварная круглая картошка. По праздникам давали кусочек сливочного масла. Но есть хотелось всегда, особенно летом, когда дни становились длинными. Тогда мы с ребятами лазили по огородам, собирали горох, бобы; осенью полузамёрзшую картошку и пекли ее на костре, а потом ели. На вкус она была почти сладкая. Так и жили, остались живы.

Когда мне исполнилось 10 лет, а сестрёнке Светлане – 8, – вспоминает Валентина Никитьевна, – нас забрал из детского дома к себе наш дядя, Борзенко Иннокентий Прокопьевич; было это в 1948 году. Жили мы у него, помогали по хозяйству, учились в школе. Я закончила 7 классов (до 1956 года В-Кужебарская школа была семилетней), сестрёнка – десятилетку. Дальше наши жизненные пути разошлись. Светлана уехала в г. Кызыл, там получила профессию швеи, потом – учительницы начальных классов. По направлению уехала в город Красноярск. В 25 лет вышла замуж, родила и воспитала вместе с мужем двух детишек.

Мне учиться дальше не пришлось, по окончании школы пошла работать в колхоз разнорабочей.»

Авторский комментарий: *«Почти все, кто потерял на фронте отцов, не смогли учиться дальше и не получили никакого образования, поэтому вся их дальнейшая судьба – тяжёлый неквалифицированный труд, в основном в животноводстве. Трудовой стаж у всех по 30, 40 и даже 50 лет добросовестного служения Родине. Двужильное поколение. При этом почти все, сами выросшие в многодетных семьях, не побоялись родить по пять, семь и более детей. И это тоже подвиг.*

Дети войны. Чего только не перенесли они в эти тяжёлые для страны годы: страдания, разруху, смерть близких, голод в военные и послевоенные годы. Всё это уже уходит в историю. Наше поколение ещё имеет возможность прикоснуться к прошлой войне в воспоминаниях живых свидетелей того времени и с каждым годом их становится меньше».

На колхозных работах

«Помнится, что в 1954 году все мелкие колхозы Верхнекужебарского сельсовета (их было 4) объединились в один – колхоз им. В.И. Ленина. Главные направления деятельности – растениеводство и животноводство. Много стало пахотной земли, пастбищ, скота. Всё это требовало большого количества рабочих рук: сельский труд специфичен. В страду выходных не было. Удавалось отдохнуть только тогда, когда шёл дождь. И то, если прекращался – косу в руки и в поле траву косить. Обычно в разные дни и работа была разная. Зимой было проще, хоть какие-то выходные. Сельский труд тяжёлый, всё руками – под силу мужику, но у мужчин своей работы хватало. Так что доставалось нам, неокрепшим девчонкам, по полной – чего только не делали: убирали с полей картофель, переворачивали валки (скошенную пшеницу или овёс), выполняли любую работу, на которую пошлёт бригадир. Колхозный бригадный труд далеко не сахар. Бывало, и ямы под

телеграфные столбы, глубиной полтора метра копали, корчевали пни, косили руками и метали сено; короче, все работы от темна до темна.

Когда работали в поле вблизи бригадного стана, обедали на бригаде. Здесь работали повара, варили, из чего можно было сварить: продукты собирали по дворам, кто что даст. Если ездили на работу далеко, например на корчѣвку, еду брали с собой – у кого что есть. А много ли из дома летом можно было взять? Холодильников ведь не было, так что еда в основном состояла из домашних, выращенных на грядках овощей, иногда брали прошлогоднее сало.»

Замужество

Быстро бежало время, жизнь брала своё, не смотря ни на какие трудности. В 1955 году бабушка встретила свою первую любовь – Соколова Николая Поликановича. Не побоялась совсем молоденькой девушкой войти хозяйкой в дом любимого человека, который был на десять лет старше её, и у него на руках было двое малолетних детей – 4-х и 2-х лет.

Видно, бог оберегал сироту – семья состоялась. Родители мужа – Соколов Поликан Эммануилович и Василиса Максимовна приняли невестку хорошо, детишки полюбили и стали называть мамой. Вскоре и дочь, первенец совместный, родилась – в 1956 году. Назвали её Татьяной.

На колхозной пасеке

Не успели ещё привыкнуть к тому, что в молодой семье появилось прибавление, как жизнь преподнесла очередной сюрприз. Отца семейства, Николая Поликановича, который был колхозником и работал в колхозе, определили пчеловодом на колхозную пасеку на Топорге; так называлось это приметное место на Амыле в 70-ти километрах вверх от села, у подножия горы Чокур.

***Краеведческий комментарий:** Чокур – компонент «Чо» означает гора, а вот «кур» русифицирован и произошел от того, что надвигающиеся на гору с*

запада тучи упираются в гору, курятся, а в ясную погоду над горой стоит туман (как дым от папиросы).

Кандат – «кан» – река, приток; «дат» – река; Кандат – приток реки.

Киндат – «кин» – широкий, просторный; «дат» – река. Киндат – широкая река.

В.М. Байзель «Каратузский район. История малой родины (г.Абакан: ООО «Книжное издательство» «Бригантина» 2010 год.)

В то время пчеловоды на пасеках жили семьями круглогодично. Собрали вещи, детей (младшей было всего три месяца) и поехали с колхозным обозом на пасеку. Зимой снега в амыльской тайге очень глубокие, зимнюю дорогу торили, а потом и ездили, в основном по льду Амыла. Ночевали на Перевозе – здесь была колхозная заезжая и тоже стояла пасека. До своей пасеки доехали только на второй день. Обустроились, обжились немного, дедушка принял от предыдущего пчеловода пасеку. До Соколовых здесь, на Топорге, пасечничал Нестеров Павел Дмитриевич. Он учил Николая Поликановича работать с пчёлами, а потом с семьёй выехал в Кужебар. Позже приехал помощник (второй пчеловод) с семьёй – Яковлевы Иван и Мария.

Авторский комментарий: *В те времена часто, бывало по всему лету, то тут, то там горела тайга. По огромным гарям потом сплошь росли медоносы. Поэтому пасек колхозных только по Амылу было предостаточно – через 3-5 км стояли по берегам боковых речек-притоков. В соседях, буквально в 2-3 км от Топорги стояла пасека, а место называлось – Сыпучий (очевидно, яр потому что берег был очень высоким метров 10 обрывистый). Здесь пасечничал Тетюхин Иван из Шырыштыка, тоже жили семьёй. В устье Кандата, в урочище Горячий ключ – ещё одна. На перевозе (устье р. Турта) жили Нестеров Иван и Валентина; на Большом Валу пчеловодил Брусов Анатолий Петрович с женой Зинаидой; на Диванисихе – Енин Иван с женой Екатериной.»*

Осев на постоянное таёжное место жительства, обзавелись хозяйством. Была корова, свиньи, утки, гуси, куры. Покос раскосили рядом, недалеко от пасеки. Косить и убирать сено приходилось вручную, а сено зимой привозить в пригон на нартах. Зерно и муку для другой живности летом плавил на лодке или зимой привозили по санному пути.

Был и огород на пасеке, землю вскапывали лопатой, но садили только картошку. Ничего другого здесь не выросло, все овощи и соленья приходилось тоже привозить из села. Но зато картошка была отличная.

Скучать было некогда, отдыхали нечасто, зато очень много времени уходило на то, чтобы доглядеть пчёл и хозяйство. С весны, как только выставлялись из омшаника после зимовки ульи на «точок», начиналась пчеловодная «страда». Особенно напряжённо было в период роя; нельзя было упустить ни один рой, а пчелосемей было за 60 штук, так что в день иногда приходилось огребать до 20 роёв. У пчеловодов до сих пор бытует присловье: «Как подготовишь пчёл, таким и медосбор будет». К слову сказать, к концу сезона вся деревянная тара (кедровые бочки и бочонки) на пасеке была, как правило, полностью залита мёдом.

Кроме работы с пчелами, еще и домашнее хозяйство требовало усилий и пригляда. И сено корове косить, и вся живность каждый день есть хотела. Частенько докучало зверье, – летом – медведь, охочий до меда. Зимой норки и колонки – давили птицу. За всем нужно было смотреть, да смотреть.

Все пасечники, также и Николай Поликанович, были и охотниками. Осень и зима – сезон охоты. Нужно отметить, что удача постоянно дедушке сопутствовала. По осени добывал столько дичи и птицы, что и домой в село своим родителям постоянно посылали с оказией (лодки). Много добывал зимами соболя, зимой же обычно и мёд увозили колхозными обозами в село. Когда шёл обоз, с пасеки его слышали задолго до того, как он появится. На дугах у некоторых возчиков весело звенели колокольчики, в морозном таёжном воздухе их было слышно за километры. У каждого возчика было по три запряжённых в сани лошади. По пасекам везли, и на Топоргу в том числе,

продукты питания, кое-какие лекарства, керосин для ламп; для ребятишек – конфеты, печенье, пряники.

От возчиков узнавали все деревенские новости, угощали их таёжными дарами – рыбой, мёдом, сохатиной, медовухой. Бывало, обоз задерживался и по неделе: то завернут морозы – воробьи на лету замерзали; то сильный снегопад или метель.

Назад в село обоз уходил, полностью гружённый бочками с мёдом. Иногда по очереди та или другая семья с попутной оказией уезжала в село погостить на пару-тройку недель.

Летом и осенью ещё и рыбачили. У Соколовых была своя тесовая лодка, и Николай Поликанович ловил станowymi сетями вблизи пасеки рыбу: хариуса, ленка, тайменя. Иногда, как правило осенью, к нему с Нижнего Амыла (там были золотые прииски) через перевал Чокур приходил его свящик по рыбалке – однорукий Никиша Уваров. Жил на пасеке неделями, по ночам они режевали – ловили рыбу трехстенной сетью. Рыбы было много – хватало и семьям на пасеке, и домашним в село.

Лодка давала возможность иногда летом там побывать. Но назад на шестах подниматься вверх по течению 70 км., да по быстрой реке, было тяжело. Вскоре появился лодочный мотор «Москва» (10 л.с.), купил его дедушка себе, стало намного легче и в рыбалке, и соседней по пасекам попроведать, пообщаться можно почаще было.

Зимой ходили друг к другу в гости на лыжах. Ну, а на праздники собирались сообща на какой-нибудь пасеке вместе. Праздновали, отмечали Новый год, Рождество, Пасху. Было весело, ребятишкам готовили заранее и дарили подарки на Новый год, говоря, что это Дед Мороз из тайги принёс, положил и ушёл. То-то радости было детворе.

Быстро шло время, скучать было некогда, потому что работа никогда не заканчивалась: летом – работа с пчёлами, покос, огород. Зимой ремонтировали ульи, делали новые рамки для ульев, чистили снег, вывозили сено, охотились.

Почти два года продолжалась «пчеловодная» жизнь семьи Соколовых. В 1958 году родился еще один ребенок – дочь Надежда. Николай Поликанович сам принимал роды – врачей рядом не было. До ближайшего села – 70 километров, а дело было зимой – тайга, бездорожье, да и везти роженицу было не на чем – своей лошади на пасеке не было. Даже если бы и была – по таёжным снегам одной лошадейю дорогу не пробьёшь – нужен целый обоз и время. А его как раз и не было – пришлось дедушке выступать в роли акушера-гинеколога. Вот такой сюрприз преподнесла жизнь, которую, если сравнивать с днём сегодняшним, мы себе даже представить не можем. Но это было, и остаётся, действительно восхищаться тем жизнелюбием, той, если хотите житейской отвагой, с которой наши предки просто жили в то время.

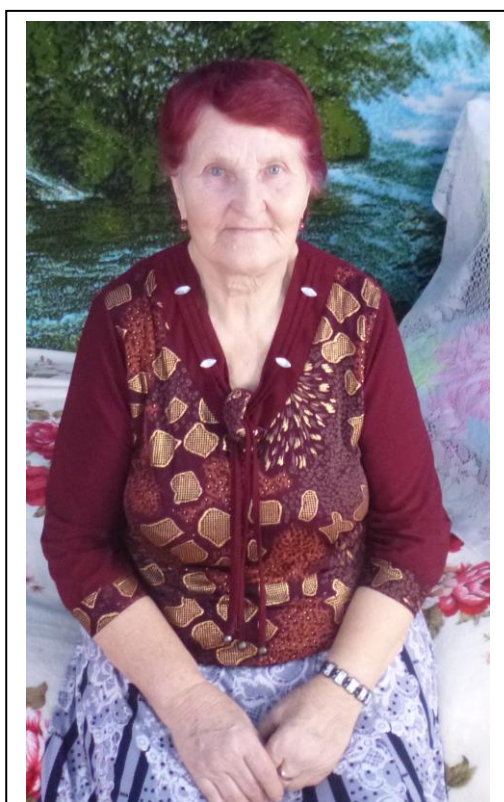
На Ленинской базе

После рождения дочери молодая мама долго болела и пришлось, в конечном итоге, зимой с пасеки выехать. Так же, на лошадях, с колхозным обозом прибыли вначале домой, в село, а вскоре перебрались на Ленинскую базу. Так называлось одно из отделений колхоза им. Ленина, где круглосуточно содержался колхозный скот-молодняк. Там же постоянно жили несколько семей, которые его обслуживали. От Кужебара это было в шести километрах. Чуть дальше – в восьми километрах – было еще одно отделение – Красноамыльское.

На новом месте жительства мои родичи устраивались основательно. Дедушка стал работать скотником, бабушка домохозяйничала, управлялась с домашней живностью, которой они вновь обзавелись на новом месте. Старшие дети учились в Кужебарской средней школе, постоянно жили в селе у дедушки с бабушкой. Родители в зимнее время частенько их навещали – до села на лошади было недалеко – час-полтора езды. На каникулах ребятишки жили дома, привыкали к новому месту жительства.

В 1966 году в семье родилась ещё одна девочка (не везло Николаю Поликанову на наследника) дочь Вера, теперь она – моя мама.

Около девяти лет жизни на Ленинской базе закончились внезапно – Николай Поликанович получил травму – сильное межрёберное повреждение в боку. Произошло это, когда на базе кастрировали колхозных быков. Дедушка, как скотник, помогал. И вот, когда держал голову одному из животных, бык вывернулся и ударил скотника рогом в бок. Поначалу, в горячке, было терпимо, хотя рана горела и мозжила. Но на следующий день, когда был на смене и пас скот, внезапно потерял сознание и упал с лошади. Домой едва приполз, и его срочно увезли в Кужебарскую больницу, где он долго лежал. И потом, после

Прародительница нашего рода
Соколова Валентина Никитьевна

выписки, постоянно донимали боли. Из-за болезни главы семьи пришлось быстро переехать в село, к его родителям. По выздоровлении дедушки остались жить в селе постоянно. Ленинская и Красноамыльская базы вскоре, были ликвидированы; жители переехали на центральную усадьбу. В это же время начинается и процесс ликвидации малых населенных пунктов. В первую очередь ликвидируются одна за другой деревни, удаленные от районного центра с небольшими участками пахотных земель, неудобных для обработке тяжёлой техникой. В результате из населенных пунктов выживают только те, что существовали в середине 19 века.

Заключение

Вот так звучат некоторые странички жизнеописания прошлого моих предков, моего рода как подтверждение того, что история страны проецируется на судьбах людей.

Прошлого трудного, порой трагичного, но не вытравившего из душ наших предков, «отчичей и дедичей, вечно труждающихся и обременённых», лучших человеческих качеств.

По сути, дети войны – это особое поколение россиян. Они – последние свидетели тех трагических дней. Сейчас это уже пожилые люди, но они до сих пор со слезами на глазах вспоминают о войне, которая отняла у них детство. И наша общая Память – это не только дань прошлому, но и устремлённость в сегодняшнее настоящее. В способности помнить, любить, дорожить, ценить заключена огромная нравственная сила, которая помогает человеку глубже понять себя, оценить свое достоинство, разобраться в окружающей жизни.

Литература

1. Воспоминания Соколовой В. Н.
2. Рассказ – воспоминание А. Щербакова «Блаженны нищие...»... «Невероятная земля», г. Красноярск. 2013 год.
3. «История детских домов Каратузского района» – В.М. Байзель «Амыльские перекаты»....(приложение к газете «Знамя труда» от 26 апреля 2006 г., от 4 мая 2006 г.
4. «Каратузский район. История малой родины», гл. «Топонимика» - В.М. Байзель, изд-во «Бригантина», Абакан, 2010 год.
5. «Судьбы людские, в годах припорошены», – стихи А. Моршнева.
6. Семейный фотоархив семьи Соколовых.
7. Архив районного краеведческого музея.
8. Архивное агентство администрации Красноярского края.